

Российская академия наук
Институт экономики

М.Б. Бакеев

Дейдра Маккроски:
риторика экономического развития

Москва
Институт экономики
2018

УДК 330.88
ББК 65.02(0)

Бакеев М.Б. Дейдра Макклоски: риторика экономического развития: Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2018. – 52 с.

Работа посвящена теории экономического развития Дейдры Макклоски. Проанализированы основные положения теории и выявлены ее специфические особенности, отличающие ее от близких ей других подходов, усматривающих причины экономического развития в институтах и культуре. Показано, что различия этих подходов коренятся в различном понимании институтов и разных взглядах на человека и человеческую мотивацию. Сделан вывод о том, что теория Макклоски лучше справляется с объяснением глобальных сдвигов в уровнях доходов на душу населения, связанных с переходом к современному экономическому росту, в то время как использование неoinституциональной теории предпочтительно при объяснении различий в уровнях доходов похожих стран, уже перешедших на стадию современного экономического роста. Намечен возможный путь синтеза теорий Макклоски и Джозеля Мокира, уделяющих основное внимание этическим и эпистемическим изменениям соответственно.

Ключевые слова: Дейдра Макклоски, экономическое развитие, инновации, институты, культура.

Классификация JEL: O10, O43, B53.

Deirdre McCloskey: the rhetoric of economic development

This paper is devoted to the theory of economic development elaborated by Deirdre McCloskey. We analyze the main statements of the theory and identify its specific features that distinguish it from other similar approaches, which consider institutions and culture as reasons of economic development. We show that key differences of these approaches are based on varied comprehension of institutions and different views on humans and human motivation. It is concluded that McCloskey's theory copes better with explanation of huge shifts in levels of per capita income, associated with the modern economic growth, while neoinstitutional approach is preferable when we try to explain differences in per capita incomes in similar countries, which have already moved to the modern economic growth stage. We outline a possible way of synthesizing the theories of McCloskey and Joel Mokyr, which focus on ethical and epistemic changes respectively.

Keywords: Deirdre McCloskey, economic development, innovation, institutions, culture.

JEL Classification: O10, O43, B53.

© Бакеев М.Б., 2018

© Институт экономики РАН, 2018

© Валериус В.Е., дизайн, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
Глава I. Современный экономический рост.....	7
Глава II. Источники роста и развития	14
Глава III. Институты, культура и риторика	20
Глава IV. Плюралистичный человек	24
Глава V. Иерархии и сети	30
Глава VI. Буржуазная переоценка	36
Глава VII. Полемика вокруг теории	41
Заключение.....	46
Список использованных источников и литературы	49

Введение

Одним из популярных направлений исследований в настоящее время стали работы на стыке экономики развития и экономической истории, авторы которых пытаются предложить свой ответ на вечный вопрос, почему одни страны богаты, а другие бедны. От классической экономики развития эти работы отличаются тем, что акцент в них делается не на нынешних проблемах развивающихся стран, а на исторических причинах богатства развитых стран. Выводы о возможных путях экономического развития в бедных странах, если и делаются, то исходя из анализа положительного опыта стран богатых.

Пожалуй, самые известные современные исследования подобного рода принадлежат экономистам неонституциональной школы: Дарону Аджемоглу и Джеймсу Робинсону с их книгой «Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты» [4] и Дугласу Норту, Джону Уоллису и Барри Вайнгасту с их книгой «Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества» [10]. Кроме неонституциональной доктрины, утверждающей в качестве причины экономического развития определенные изменения прежде всего формальных институтов, сейчас получили некоторое распространение подходы, согласно которым ключевым фактором экономического развития является культура. При этом под культурой разные ученые могут понимать разные вещи: убеждения, ценности, неизменяемые или медленно изменяемые неформальные институты.

Подход Дейдры Маккроски, анализу которого посвящена наша работа, наверное, по формальным признакам стоит отнести к культурным. Маккроски настаивает на том, что, кроме институтов, существуют идеи, риторика, этика и что они имеют серьезное значение для понимания социальной и экономической истории, зача-

стью гораздо большее, чем институты. В то же время сама она слово «культура» не очень любит, считая его слишком неопределенным и сбивающим с толку [30, р. 14]. Это определенно имеет смысл: ее самобытная теория сильно отличается от остальных, концентрирующих свое внимание на культуре.

Чтобы не вносить лишнюю путаницу, на наш взгляд, стоит провести концептуальную границу между «культурными» теориями и теорией Макклоски, определив ее подход, как «риторический», по названию наиболее известной ее книги «Риторика экономической науки» [8]. Идеи этой работы во многом легли в основу ее теории экономического развития. Данная теория была изложена ею в трех книгах: «Буржуазные добродетели: Этика века коммерции» (2006 г.) [27], «Буржуазное достоинство: Почему экономическая наука не может объяснить современный мир» (2010 г.) [28] и «Буржуазное равенство: Как идеи, а не капитал или институты, обогатили мир» (2016 г.) [29], вместе составивших книжную трилогию «Буржуазная эра».

В «Буржуазной эре» Макклоски вернулась к экономико-исторической проблематике, которой были посвящены ее первые работы [23; 24; 25] в 1970-е гг. Однако теперь она стала рассматривать экономическую историю и экономическое развитие сквозь призму своих методологических работ. Главная идея «Риторики экономической науки» была в том, что вместо того чтобы концентрировать свое внимание на объективных критериях научного знания, мы должны обратить внимание на человека, на то, какие аргументы его убеждают, какие из них заставляют его изменить свое мнение. Методологические рамки на деле никогда не могут оградить ложное знание от истины, они лишь сужают поле плодотворной дискуссии и подавляют альтернативные подходы. Макклоски, определяя человека прежде всего через его способность говорить как *homo loquens* [28, р. 297], и в «Буржуазной эре» делает акцент на языке, что делает ее подход нестандартным, не свойственным для экономистов.

В первой книге трилогии («Буржуазные добродетели») Макклоски занимается проблемами этики и философской антропологии, конструирует модель человека, на базе которой в дальнейшем строится вся теория. Вторая книга трилогии («Буржуазное достоинство») является наиболее экономической, она посвящена

критике альтернативных подходов и концептуальному оформлению собственной теории Маккლოსки. В третьей книге трилогии («Буржуазное равенство») Маккლოსки уделяет основное внимание социальной истории и истории идей, пытаясь найти эмпирическое подтверждение своим взглядам. Маккლოსки работает в междисциплинарном поле, ссылаясь на самые разные области знания — от литературной критики до нейрофизиологии. Ее масштабная социальная теория — это сплав экономических, философских, культурологических, социологических идей.

В нашей работе мы попытаемся сжато обрисовать контуры этой теории, выявить ее специфические особенности и сравнить ее с наиболее близкими ей подходами некоторых других экономистов. Мы сосредоточимся на теориях, признающих ключевыми факторами экономического развития институты или культуру. Безусловно, кроме этих теорий существует множество других, видящих причины в чем-то ином, например в географическом положении, государственной политике, развитии торговли, накоплении капитала и т. д. Однако, по нашему мнению, нет большого смысла включать их в рассмотрение, так как аргументы разных сторонников институционального или культурного подходов, направленные против них, по большей части слабо различаются между собой. Интереснее понять, в чем заключаются различия у концептуально близко стоящих друг к другу теорий.

Современный экономический рост

На протяжении практически всей истории человечества долгосрочного экономического роста на душу населения не существовало как явления. Данные базы Ангуса Мэддисона [2] показывают, что до XIX века доходы на душу населения в отдельных странах могли в какие-то кратковременные успешные периоды немного расти, однако затем они возвращались к прежнему уровню. Макклоски оценивает [29, р. 6] в среднем этот уровень как \$3 среднедушевого дохода в день (в международных долларах Гири-Хэмиса¹ на 1990 г.).

Этот период истории экономики иногда называют мальтузианским. Считается, что теория народонаселения Томаса Мальтуса хорошо описывает его экономико-демографическую динамику: экономический рост был медленнее роста населения. Это вело к тому, что выражавшееся в росте доходов экономическое развитие сразу же поглощалось ростом населения, и доходы на душу населения оставались неизменными. С мальтузианской природой стагнации ВВП на душу населения до XIX века согласна и Дейдра Макклоски [28, р. 87].

Однако в годы, примерно датируемые концом XVIII в. — началом XIX в. эта тенденция резко переломилась: сначала в Нидерландах и Великобритании, затем в США, Франции, Германии и постепенно в большинстве стран мира началось то, что экономисты называют современным экономическим ростом (*modern economic growth*) [19, р. 4]. Макклоски для описания этого перехода использует [29, р. 5] термин «Великое обогащение» (*the Great Enrichment*). Эпоха современного экономического роста характеризуется постоянным и устойчивым повышением уровня ВВП на душу населения. На рис. 1 представлен график динамики реальных доходов на душу населения в ряде стран мира, иллюстрирующий переход от стагни-

1. Условная расчетная денежная единица, применяемая при сравнении макроэкономических показателей разных стран мира.

рующего состояния к современному экономическому росту. Форма этого графика напоминает, по выражению Макклоски [29, р. 24], хоккейную клюшку — настолько смена паттерна была колоссальной.

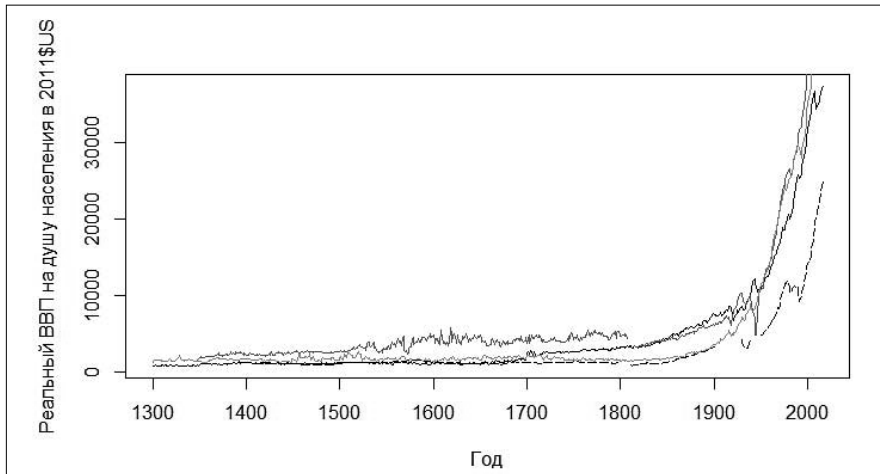

Рис. 1. График реального ВВП на душу населения с 1300 г. по наши дни в ряде стран мира. Разные страны отмечены следующим образом: Нидерланды (до 1810 г. — Голландия) — серая сплошная линия, Швеция — светло-серая сплошная линия, Великобритания (до 1700 г. — Англия) — черная сплошная линия, Польша — черная штриховая линия

Примечание. Данные взяты из Maddison Project Database, version 2018. Bolt, Jutta, Robert Inklaar, Herman de Jong and Jan Luiten van Zanden (2018).

Интересно, что сам Мэддисон отвергал мнение о резкости перехода. В своей статье 2008 г. [22] он обрушился с критикой на сторонников «мальтузианской интерпретации», в частности на Огеда Галора — автора «единой теории роста» [17]. Согласно Мэддисону [22, р. 76–79] рост доходов на душу населения на Западе был постепенным, связанным со множеством институциональных и технологических изменений и новшеств, появившихся на Западе еще с 1000 г. По его мнению, ложный взгляд на «внезапность» современного экономического роста связан с использованием арифметической шкалы измерения доходов вместо необходимой в данном случае логарифмической [22, р. 94]. На рис. 2 мы представили график логарифма реального ВВП на душу населения в разных странах мира с 1300 г. по наши дни.

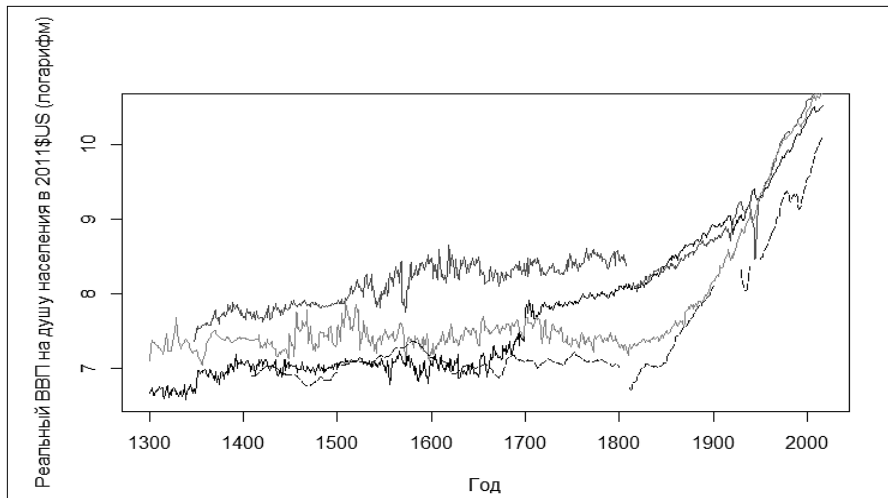

Рис. 2. График логарифма реального ВВП на душу населения с 1300 г. по наши дни в ряде стран мира. Разные страны отмечены следующим образом: Нидерланды (до 1810 г. — Голландия) — серая сплошная линия, Швеция — светло-серая сплошная линия, Великобритания (до 1700 г. — Англия) — черная сплошная линия, Польша — черная штриховая линия
Примечание. Данные взяты из Maddison Project Database, version 2018. Bolt, Jutta, Robert Inklaar, Herman de Jong and Jan Luiten van Zanden (2018).

Как видно из этого графика, взгляд на динамику реальных доходов на душу населения как на резкую смену горизонтальной линии на вертикальную, действительно выглядит некоторым упрощением. Однако мы по-прежнему можем увидеть довольно резкую смену тренда роста, произошедшую в разных странах в разное время после 1800 г. В наиболее развитых на тот момент Нидерландах и Великобритании эта смена выглядит наиболее постепенной, но тем не менее она заметна и существенна. Если представить, что мы находимся в 1800 г. и не обладаем информацией о будущих темпах роста, то нельзя будет сделать однозначный вывод о будущем взлете доходов, основываясь на данных предыдущих столетий, свидетельствующих об очень умеренных и нестабильных темпах роста. В этом случае более правдоподобным было бы предположение об успешном отрезке времени в рамках мальтузианского периода, а не о переходе к качественно другому типу экономического роста. Поэтому, на наш взгляд, Великое обогащение было скорее резким, нежели постепенным.

Стоит сказать, что Макклоски отчасти согласна с Мэддисоном в том, что изменения были постепенными — только эти постепенные изменения в рамках ее концепции находились исключительно в социокультурной плоскости. Экономический же сдвиг был резким и был связан с Промышленной революцией, в свою очередь, случившейся под влиянием этих социокультурных изменений.

Главная характеристика современного экономического роста — его непоколебимая устойчивость: в долгосрочной перспективе доходы на душу населения растут постоянно с одним и тем же темпом, в краткосрочной перспективе лишь колеблясь вокруг линии заданного тренда. Экономические спады, кризисы, войны, другие внешние потрясения в условиях современного экономического роста всегда имеют только временное влияние: после окончания кризисного периода темпы роста всегда повышаются достаточно сильно, чтобы компенсировать негативное влияние. Эта особенность хорошо иллюстрируется графиком роста логарифма реального ВВП на душу населения в США (рис. 3), где самый большой спад соответствует Великой депрессии. Реальные доходы на душу населения в США за последние 150 лет устойчиво росли со средним темпом около 2% в год, с 1870 г. по 2014 г. увеличившись почти в 17 раз (с \$3000 до \$50000) [19, р. 2].

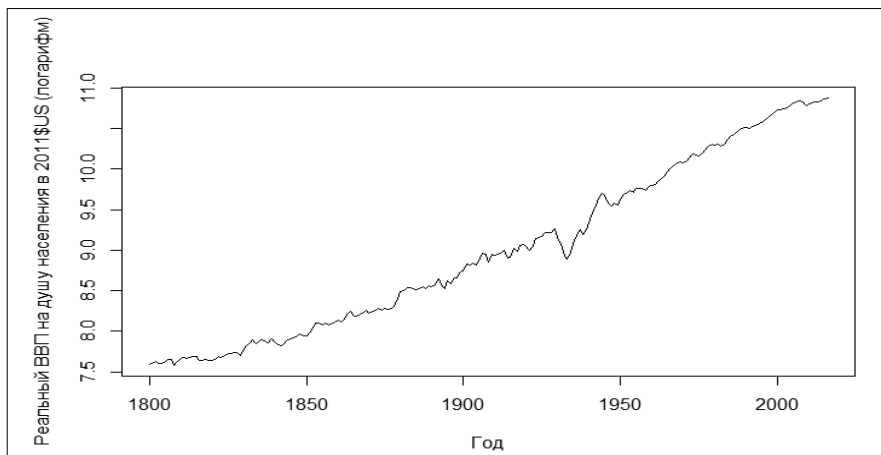

Рис. 3. Экономический рост в США (логарифм)

Примечание. Данные взяты из Maddison Project Database, version 2018. Bolt, Jutta, Robert Inklaar, Herman de Jong and Jan Luiten van Zanden (2018).

Макклоски пишет о том, что рост, который может быть измерен с помощью доступных нам цифр — только самая нижняя граница оценки реальной степени экономического роста [28, р. 48]. По ее мнению, если попытаться учесть качественные усовершенствования товаров и услуг, не схватываемые статистикой, то высшей границей оценки может быть рост в 30 раз [28, р. 50–51].

Если страна позже, чем остальные, вступила в фазу современного экономического роста, то ее будущее противоречиво. Многие экономисты говорят о существовании так называемой Великой дивергенции, или Великого расхождения (*the Great Divergence*): со временем разрыв в уровне экономического роста между вступившими раньше богатыми странами и вступившими позже более бедными странами увеличивается [19, р. 36]. С другой стороны, у нас есть примеры конвергенции, когда страна, несмотря на более поздний старт Великого обогащения, догоняет самые богатые страны в уровне реальных доходов на душу населения [19, р. 40].

На рис. 4 представлена динамика логарифма реального ВВП на душу населения с 1800 г. по наши дни в ряде стран.

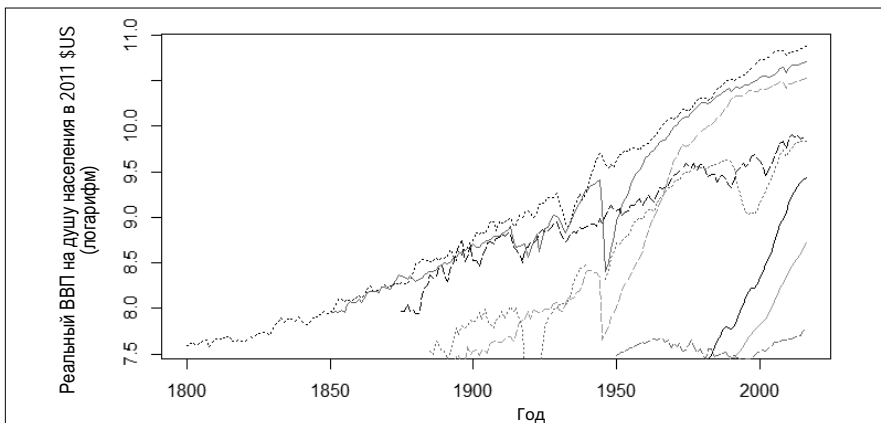

Рис. 4. . График логарифма реального ВВП на душу населения с 1800 г. по наши дни в ряде стран мира. Разные страны отмечены следующим образом: США — черная пунктирная линия, Германия — серая сплошная линия, Япония — светло-серая штриховая линия, Аргентина — черная штриховая линия, СССР — серая пунктирная линия, Китай — черная сплошная линия, Индия — светло-серая сплошная линия, Сенегал — серая штриховая линия.

Примечание. Данные взяты из Maddison Project Database, version 2018. Bolt, Jutta, Robert Inklaar, Herman de Jong and Jan Luiten van Zanden (2018).

Из графика видно, что здесь нет общего правила: какие-то страны, перейдя на траекторию устойчивого роста, догнали богатые страны по уровню роста (Япония), какие-то перешли на новую траекторию, однако не догнали (бывш. СССР) или отстали (Аргентина), какие-то перешли совсем недавно и сейчас развиваются очень быстрыми темпами (Китай, Индия), а какие-то пока еще не перешли на траекторию устойчивого роста (Сенегал).

Дивергенция и неравное распределение богатства внутри общества [32] – это главные аргументы, высказываемые против взглядов экономистов, видящих, как Дейдра Макклоски, в современном экономическом росте только положительные стороны.

Дивергенцию доходов между странами Макклоски проблемой не считает по той причине, что у нас есть примеры чудес роста, когда бедная страна резко преодолевала разрыв и по уровню благосостояния приближалась к богатым странам. Следовательно, у бедных стран есть шансы преодолеть свое отставание.

Проблеме экономического неравенства Макклоски уделяет довольно много внимания, защищаясь от нападок левых экономистов и социальных теоретиков. Она, основываясь на историческом анализе изменения жизненных стандартов, показывает, что от Великого обогащения выиграли больше всего как раз бедные классы [28, р. 71].

Здесь ее аргументы схожи с теми, которые приводит Шумпетер в «Капитализме, социализме и демократии», Макклоски даже обращается к его примеру с королевой Елизаветой I, которая и в условиях низкого экономического развития могла позволить себе шелковые чулки [29, р. 37]. Как пишет Шумпетер, «капиталистическое развитие обычно состоит не в том, чтобы изготовить большое количество чулок для королевы, а в том, чтобы, затрачивая на их изготовление все меньше и меньше усилий, сделать их доступными для девушек-работниц» [14, гл. 5].

По мнению Макклоски, относительное неравенство всегда будет существовать и не следует бороться с ним [29, р. 45]. Важно то, что все дети из бедных семей в будущем будут богаче своих родителей в абсолютном, количественном выражении.

Великое обогащение, несмотря на отдельную критику, стало чем-то вроде стилизованного факта для экономистов, занимаю-

щихся проблемами роста и развития. Для Макклоски оно – вообще первое по значимости явление в человеческой истории, объяснение причин которого является ключом к ответу на вопрос, почему одни страны богаты, а другие бедны.

Источники роста и развития

Согласно Макклоски, мы можем говорить об экономическом росте в статической и динамической формах [29, р. 205–206]. Статический рост достигается за счет увеличения эффективности распределения ресурсов в экономике, а динамический – за счет изменения самих задаваемых природой параметров экономической системы. Динамический рост у Макклоски в своей сущности выражает видение, предложенное Шумпетером в «Теории экономического развития» [15]: развитие как движимый предпринимателями инновационный процесс.

Современный экономический рост, с точки зрения Макклоски, связан именно с основанным на инновациях динамическим типом роста. Статическая модель в данном случае, по ее мнению, не адекватна объекту исследования.

На этом основании Макклоски критикует [29, р. 130–133] взгляды неинституционалистов. Институты могут изменять человеческое поведение, этим обеспечивая увеличение статической эффективности. Однако в статической модели существует потенциальный предел эффективности, оптимальное распределение, после достижения которого рост невозможен. Более того, по мере движения к этой точке альтернативные издержки использования ресурса растут, а его предельный продукт падает, что означает, что количество получаемого в результате совершенствования институтов чистого выигрыша тоже падает.

По этой логике самые первые институты, призванные обеспечить, скажем, неприкосновенность частной собственности, должны давать наиболее сильный эффект в виде экономического роста. Однако подобная схема совсем не согласуется с реальными историческими данными. Реальные доходы на душу населения практически всю историю человечества стагнировали, а потом резко начали расти с относительно постоянным темпом. Нельзя ска-

зять, что история институтов была похожей: и до Великого обогащения существовали, пусть и не всегда самые идеальные, институты защиты собственности, суды, и у нас нет оснований говорить о каком-то фундаментальном сдвиге в это время. Макклоски категорически не согласна [28, р. 315, 323–324] с мнением Аджемоглу и Робинсона [4, с. 118] о том, что точкой подобного сдвига можно считать Славную революцию 1688 г. в Англии. С ее точки зрения, экономические институты, о которых они говорят, не претерпели существенного изменения в Англии XVII–XVIII вв., а эффективная система защиты прав собственности уже функционировала там за несколько веков до революции.

Государства с помощью плохих институтов могут легко уничтожать потенциальный экономический рост, но они не могут, создавая хорошие институты и тем самым стимулируя более эффективную аллокацию доступных ресурсов, заставить доходы на душу населения увеличиваться на тысячи процентов. Как пишет Макклоски, даже если предположить, что из-за плохих институтов страны теряли 80% своих потенциальных доходов, то идеальные институты дадут им рост только в 5 раз [29, р. 133]. Рутинное перераспределение в рамках статической модели плохо объясняет колоссальный рост богатства, начавшийся после Великого обогащения.

В то же время авторы-неоинституционалисты совсем не отрицают важность инноваций. Например, с точки зрения Аджемоглу и Робинсона, именно то, что инклюзивные экономические институты не препятствуют процессу «созидательного разрушения», является главной причиной возникновения устойчивого долгосрочного экономического роста [4, С. 99]. Разница в том, что, по их мнению, определенные институты могут способствовать развитию инноваций – прежде всего они здесь имеют в виду патентное право [4, С. 119].

Макклоски приводит эмпирическое опровержение важности патентов: на практике на рубеже XVIII–XIX вв. они использовались мало, многие изобретатели не патентовали свои изобретения, а такие страны, как Нидерланды и Швейцария, создавшие свою собственную патентную систему только в конце XIX в., прекрасно развивались и до этого [28, р. 337, 347]. По ее мнению, инновации никак не могут быть предсказуемы, и поэтому логика рутинного

расчета, рутинных стимулов статической модели к ним неприменима [28, р. 393].

Аджемоглу и Норт со своими соавторами смотрят на «социальное разрушение» как на главный образ социальный конфликт: элиты просчитывают все свои возможные выгоды и потери от инноваций и в зависимости от этого решают, какие установить институты; впоследствии решение может меняться из-за внешних исторических шоков и конфликтов между элитными группами. Макклоски же считает, что следует обратить внимание на самих инноваторов, понять их внутреннюю, а не внешнюю мотивацию. С ней по сути согласен и историк экономики Джоэль Мокир [31, р. 16]. Он вводит аналогичное предложенному Макклоски разделение на «смитианский» и «шумпетерианский» рост, признавая, что начавшееся после Промышленной революции стремительное развитие науки и техники нельзя объяснить изменениями правовых и политических институтов. Здесь должна идти речь о культурном сдвиге.

Мокир в своей теории, изложенной в книге «Культура роста: истоки современной экономики» [31], делает основной упор на крупных технологических инновациях. В то же время Макклоски определяет свои динамические инновации предельно широко: как «проверяемые рынком усовершенствования» (*“market-tested betterments”*) [30, р. 9]. В теории предпринимательства она считает лучшим подход Израэля Кирцнера [26]. У Шумпетера или Найта, на ее взгляд, предприниматель является как бы остаточным элементом, находится отчасти на периферии непосредственных экономических процессов. Кирцнер предъявляет менее строгие требования к предпринимателю и благодаря этому помещает его фигуру в центр рыночного процесса. У Кирцнера, для того чтобы быть предпринимателем, не обязательно быть гениальным новатором — им может стать даже обыватель, обладающий некоторой бдительностью и способный обнаружить арбитражную возможность.

Макклоски выступает против признания значимости только крупных новаторов, влияние которых на экономическую жизнь было революционным. По ее мнению, динамический рост основывается также на незаметных инновациях, маленьких арбитражных открытиях, совершаемых многими обычными людьми ежедневно.

Более того, включение изобретения, скажем, механической прялки, паровой машины или железной дороги, в экономическую жизнь, превращение изобретения в инновацию — это тоже дело обывателей-буржуа, негероических изобретателей [28, р. 98]. Наряду с «созидательным разрушением» она также говорит о важности «созидательного накопления» — процесса нахождения новых качеств в старом продукте, не предполагающего острого социального конфликта, но играющего большую роль в экономическом развитии [28, р. 76].

Однако стоит заметить, что Кирцнер не отрицает подхода Шумпетера, а расширяет его: в его трактовке шумпетерианская креативность является частным случаем бдительности, особой формой нахождения арбитражной возможности. Об этом пишет сам Кирцнер в своей статье, посвященной разъяснению различий между его подходом и подходом Шумпетера [20, р. 8–10]. Креативный предприниматель Шумпетера — тоже арбитражер, если смотреть на него с более высокого уровня абстракции. Разница между способностью обнаружить возможности для извлечения прибыли и созданием таких возможностей на самом деле условна: эти возможности всегда уже существуют в потенциальной форме, и тот, кто увидит их первым, создает их для всех остальных.

По мнению Макклоски, сущность экономической системы, определяемой социальными теоретиками как капитализм, заключается именно в постоянном продуцировании инноваций, и слово «инновационизм» подошло бы для него гораздо больше, чем делающее неверный акцент на процессе накопления капитала слово «капитализм» [28, р. 76].

Причем каждая инновация, взятая по отдельности, делает лишь небольшой вклад в общий рост экономики и делает этот вклад лишь единожды. Здесь Макклоски обращается к работе Роберта Фогеля «Железные дороги и рост американской экономики» [16]. В ней было показано, что изобретение железных дорог было совсем не критичным для экономического роста США: на их вклад приходилось всего 2,7 % ВВП американской экономики в 1890 г. Наша же цель — объяснить устойчивый экономический рост в 2% в каждом году, для чего нужен постоянный поток, состоящий из тысяч и миллионов инноваций, поэтому едва ли какое-то отдельное

техническое усовершенствование может быть единственной причиной Великого обогащения.

Из теории Макклоски можно заключить, что до Великого обогащения экономика развивалась так: существовало равновесие, редкие спорадические инновации экономику из равновесия выводили, и потом, по мере возвращения к равновесию, эти инновации как бы абсорбировались, поглощались в результате действия механизма мальтузианской ловушки. Но после Великого обогащения появившийся постоянный поток инноваций перевел экономику в состояние перманентного неравновесия.

Исторический процесс в интерпретации Макклоски совсем не похож на привычную нам картину постепенного ступенчатого прогресса, как в формационном подходе Маркса или стадийном подходе Ростоу. Видение мира до Великого обогащения (и предположительно после неолитической революции) у Макклоски скорее напоминает цивилизационную теорию Арнольда Тойнби [34]: существовали какие-то страны, которые могли добиться относительного, по современным меркам, очень умеренного успеха, однако они не могли надолго его сохранить. После же Великого обогащения наступила эра прогресса и устойчивого роста.

Непосредственной причиной современного экономического роста стало постоянное осуществление проверяемых рынком усовершенствований. Туда Макклоски относит не только технические инновации, но и институциональные, социальные. Институты у нее можно уподобить «социальным технологиям», увеличивающим экономический рост через повышение статической эффективности. Макклоски говорит о большой важности создания новых форм социальных организаций, таких как, например, исследовательский университет [30, р. 9]. Крупные и мелкие, по отдельности все эти инновации дают лишь небольшой вклад, однако в совокупности ведут к Великому обогащению.

Но почему люди вдруг стали активно ими заниматься? Согласно Макклоски, причина этому не может быть эндогенной из-за историчности, уникальности Великого обогащения [28, р. 135]. По мнению Макклоски, не было это связано и с психологическими изменениями, с каким-то всплеском креативности [29, р. 472]. Люди остались прежними, однако появились новые идеи, изменившие

общество. Эти идеи произвели буржуазную переоценку, дав людям возможность быть добродетельными, не будучи героями или святыми. Общество стало уважать буржуазию, предпринимателей-инноваторов.

На наш взгляд, у Макклоски, наряду со статическим смитианским ростом и динамическим шумпетерианским развитием, можно еще выделить третий тип, своеобразное «метаразвитие».

«Метаразвитие» – это условие постоянного продолжения шумпетерианского развития. Его причины экзогенны, исходят из культуры, а результаты его влияния на экономику глубоко парадоксальны. Инновации по самой своей сути – вещь непредсказуемая и из ряда вон выходящая, однако Великое обогащение делает их постоянными, обыденными, низводит до статуса практически рутины. Несмотря на неопределенность, кажущуюся зыбкость развития, основанного на инновациях, Великое обогащение делает людей поразительно уверенными касательно будущего, оптимистично настроенными и доверяющими друг другу.

В таблице 1 мы попробовали выразить различие трех экономических оптик для рассмотрения экономического роста у Макклоски по нескольким ключевым пунктам.

Таблица 1. Типы экономического роста в теории Дейдры Макклоски

Тип	Рост («смитианский»)	Развитие («шумпетерианское»)	«Метаразвитие» (Великое обогащение)
Характер	Статика	Динамика	Устойчивая динамика
Механизм	Эффективное перераспределение	Бдительность и креативность	Буржуазная переоценка
Степень новизны	Рутинная	Необычное, непривычное	Уникальное
Будущее	Просчитываемое (short-run и long-run)	Неопределенное	Надежда на лучшее, оптимизм
Экономическая теория	Мейнстрим	Неоавстрийская школа	Гуманомика Дейдры Макклоски

Институты, культура и риторика

Маккроски в своей социальной философии стремится уйти от дихотомии методологического индивидуализма и холизма. За индивидуалистический подход Маккроски критикует сторонников новой поведенческой экономики. Опираясь на взгляды невролога Рэймонда Таллиса [30, р. 17–18], она утверждает, что анализ «отдельных мозгов» не помогает в изучении социальных явлений, так как они являются эмерджентным феноменом, возникающим в процессе взаимодействия множества людей. По мнению Маккроски, для понимания человеческого поведения полезнее изучать культуру, а не биологию [27, р. 439], заниматься, как она говорит в интервью, «сканированием разума», а не «сканированием мозга» [11, с. 229].

В то же время она отвергает [27, р. 440–441] и холистическое объяснение, характерное для традиционной антропологии или структурно-функциональной социологии, когда поведение агентов объясняется исключительно с позиции анализа их места и функции в обществе. Она пишет о том, что поведение людей, в том числе например крестьян? в «традиционных» обществах можно всегда *отчасти* объяснить, пользуясь концепцией индивидуалистического «экономического человека».

С ее точки зрения, культура возникает как бы между людьми, ее нельзя свести ни к обществу в целом, ни к субъективному восприятию отдельного человека [29, р. 117]. Здесь Маккроски обращается к концепции «институциональных фактов» Джона Серля и «интерсубъективности» Чарльза Тейлора [29, р. 664]. Общим для этих понятий является то, что они описывают онтологически субъективные, но эпистемологически объективные факты: нормы, соглашения, распространенные ценности, взгляды — то, что в какой-либо форме побуждает человека действовать определенным образом, обладает «деонтическим статусом» [29, р. 126].

Самым важным в институциональных фактах является их способность быть измененными в ходе обсуждения между людьми. Объективные факты нельзя изменить — только измерить, а субъективные свойства индивидуального чувственного опыта нельзя обсудить. Именно в постоянных обсуждениях, формулировках, интерпретациях институциональных фактов реализуется творческий потенциал языка и возникает культура.

Маккроски не приемлет пониманий институтов, характерное для неоинституционалистов, считающих, что институты — это только накладываемые обществом на индивида ограничения, по своей сути такие же, как бюджетное ограничение [30, р. 1–2]. Она трактует их как *творение* новых форм отношений между людьми с помощью языка, снабжение нас новыми причинами вести себя независимо от наших склонностей и желаний [30, р. 20]. Институты не свойственны изолированным функциям полезности (равно как и обществу, понятому в холистическом духе), а возникают в происходящих между людьми диалогах и языковых играх [30, р. 19]. Уподобляя институты исключительно ограничениям, неоинституционалисты совершают ошибку и теряют в своем анализе творческую, смысловую компоненту институтов, которая является ключевой.

По мнению Маккроски, ограничения не могут быть неформальными, если они действительно являются ограничениями. Нужно разделять законы («формальные институты»), подкрепляемые монополией государства на насилие, и культурные нормы. Первые обладают чертами объективных ограничений из-за вмешивающегося государства, хотя и нуждаются всегда в истолковании и интерпретации. Вторые же предполагают исключительно неформальный информент, тем самым подчиняя институтам всякое человеческое действие, из-за чего вся теория скатывается к тавтологичной мысли: «социальные изменения зависят от общества» [29, р. 114].

Слово «культура», как считает Маккроски, слишком неопределенно, что сбивает с толку экономистов и ведет к тому, что они трактуют культуру неоправданно узко [30, р. 14]. Как правило, в экономических исследованиях под культурой понимается что-то, обладающее статусом наследуемой, бесспорной данности, главным образом — национальность и религия.

В то же время, по мнению Макклоски, в культуре существует другая компонента — «поверхностная риторика» (*superficial rhetoric*) [29, р. 499]. Религия и национальные традиции могут оставаться нетронутыми, в то время как кажущаяся несущественной поверхностная риторика — общественное мнение, слухи, политическая повестка — меняясь, может иметь гораздо большее влияние на трансформацию всего общества.

Традиционный способ говорить о влиянии культуры на экономику, как это делали Макс Вебер [35] или Дэвид Лэндис [21], предполагает, что из анализа текстов можно легко сделать однозначный вывод о неизбежности позитивного или негативного влияния определенной культуры на экономическое развитие. Макклоски считает, что кроме текстов существуют еще интерпретирующие их люди, и то, какую трактовку они предпочтут, предсказать очень сложно, если вообще возможно [28, р. 375–376]. Так, по ее словам, даже в религиозных текстах считающегося традиционно абсолютно антикоммерческим индуизма находят оправдание буржуазному образу жизни [29, р. 500].

В таком случае тексты оказываются инструментами, своеобразными кирпичиками, из которых люди выстраивают тот или иной этический нарратив, и тогда нам по большому счету неважно, что это за кирпичики — протестантская трудовая этика или идеал конфуцианского предпринимателя — если в итоге мы в любом случае получим буржуазный нарратив. Первична риторическая оболочка, и будучи уже однажды где-то изобретенной, она может быстро воспроизводиться на базе другого культурного фундамента.

Свою позицию она иллюстрирует цитатой из Альберта Хиршмана: «Дискурс формируется не сколько фундаментальными характеристиками личности, а скорее императивами аргументов, практически не зависящими от желаний, характера и убеждений участников дискуссии» [29, р. 503]. Изменение той риторической оболочки, в которую облечены разговоры, может повлечь за собой серьезнейшее изменения и в духовном, и в материальном мире, для этого даже не требуется изменения психологии людей.

Следствием игнорирования внешней риторики стал взгляд экономистов на культуру как на нечто статичное, неизменное, что, по мнению Макклоски, опровергается множеством исторических

примеров: изменением мнения людей о правах чернокожих в США 1960-х, об однополых браках в Испании 2000-х и т. д. Здесь же можно вспомнить, с какой быстротой в СССР в 1920-х гг. формировалась советская риторика и с какой же опять-таки быстротой она исчезла в 1990-х гг. Начало современного экономического роста, по мнению Макклоски, как раз и было связано с одним из таких быстрых риторических изменений.

Плюралистичный человек

Отправной точкой в рассуждениях Макклоски является ее специфичная модель человека. Возможные модели человека Макклоски выводит из систем практической философии, к которым она относит утилитаризм, деонтологию Канта, теорию общественного договора (“contractarianism”) и этику добродетели [29, р. 186]. Собственная модель Макклоски базируется на этике добродетели, причем по духу она ближе классическим системам Аристотеля и Фомы Аквинского, чем современной этике добродетели таких авторов, как Элизабет Энском и Аласдер Макинтайр, хотя Макклоски активно ссылается на последних в ходе своей аргументации.

Основная модель, которой оппонирует Макклоски, — это господствующая в современной экономической науке модель человека как максимизатора полезности в рамках ограничений, которую Макклоски называет *Max U* [27, р. 114]. Главным образом эту модель она связывает с этикой утилитаризма, но ее критика теории общественного договора [27, р. 497] показывает, что фактически, по ее мнению, для двух этих этических теорий характерна одна и та же модель *Max U*. Утилитаризм, в понимании Макклоски, — это редуцирование всех добродетелей к единственной добродетели благоразумия (“prudence”) [27, р. 399], имеющей много общего с экономической рациональностью; теория общественного договора же в принципе отрицает мораль и право на индивидуальном уровне и понимает их как оптимальные, равновесные правила общежития рациональных индивидов. Соответственно, в любом случае имеем на входе рациональных максимизаторов.

Кроме утилитаристской этики, Макклоски также полемизирует с этикой кантианской [27, р. 321]. Ее общая претензия к этим системам состоит в том, что они делают человека слишком одномерным, стремятся подчинить все его поведение следованию

одной исключительной добродетели: благоразумию в случае утилитаризма и справедливости в случае кантианства. В результате мы получаем пустого, лишённого какой-либо идентичности *Max U*, определяемого исключительно через свою способность к калькуляции, и кантовский автономный разум, наоборот, жестко привязанный к своей идеальной идентичности, не способный меняться и развиваться.

Маккроски предлагает альтернативный подход, не пытающийся вынести идентичность за пределы модели в область предпочтений, но и не закрепляющий ее жестко, оставляющий для нее возможности к изменению. Такой взгляд отчасти близок к пониманию человека в экзистенциализме — через наш свободный выбор мы конструируем сами себя [33]. Но у Маккроски этот выбор глубоко включен в культурный контекст: мы проникаемся идеями, восхищаемся историями о жизни великих людей, желаем подражать им, и в результате меняемся сами [28, р. 299]. Причина заключается в перформативности языка, в способности слов не только передавать информацию о существе, но и создавать нечто новое в этом мире — в том числе и людские характеры.

Для подхода Маккроски характерен плюрализм, в качестве метафоры своего понимания человеческого поведения в «Буржуазных добродетелях» она использует [27, р. 409] следующую модель:

$$B = \alpha + \beta P + \gamma S + \varepsilon.$$

Здесь B — это, соответственно, поведение (“behavior”), P — это «мирское» (“the Profane”) и S — «священное» (“the Sacred”). Позже, в третьей книге трилогии, в результате уточнения своей позиции в полемике с неинституционалистами, она добавила [29, р. 115] туда еще одну переменную L , связанную с формальными институтами и применяемым государством легальным насилием.

Говоря просто, переменная P отвечает за мотив поиска собственной выгоды и инструментальную рациональность в духе *Max U*, а S — за мотивы общественной солидарности, служение трансцендентному. При этом нужно понимать, что линейная модель — лишь метафора, в действительности «функция поведения» неаддитивна и несепабельна, мотивы глубоко переплетены между собой [27, р. 131–132], подчинены друг другу, маскируются друг под друга [27, р. 417–418].

В разных областях человеческой деятельности один из мотивов может доминировать, и иногда анализ не характерных для того или иного мотива областей с точки зрения другого может быть продуктивным: например, Маккლოსки, как ни странно, с теплотой относится к Гэри Беккеру и считает, что его сравнение детей с товарами длительного пользования привело к интересным результатам [8, с. 58]. Однако ошибкой является сведение всего человеческого поведения к одному из этих мотивов.

Здесь мы подходим к описанию этической системы Маккლოსки, так как эти мотивы она связывает с выделяемыми ею добродетелями: переменную P — с добродетелью Благоразумия (“prudence”), а переменную S — с добродетелями Веры (“faith”), Надежды (“hope”), Любви (“love”), Мужества (“courage”), Умеренности (“temperance”) и Справедливости (“justice”).

Маккლოსки разделяет эвдемонизм Аристотеля: человек стремится к счастью, заключающемуся в добродетельной жизни [27, р. 123, 248]. Согласно Маккლოსки, добродетелей всего семь, как в системе Фомы Аквинского: четыре языческих, взятых у Аристотеля (Мужество, Умеренность, Справедливость и Благоразумие), и три христианских, взятых у Апостола Павла (Вера, Надежда и Любовь). При описании своих добродетелей она также во многом опирается на этику Адама Смита, который в «Теории нравственных чувств» построил похожую систему [12, с. 256–259].

Поясним, что Маккლოსки понимает под этими добродетелями, начав с Любви. Любовь — это искренняя приверженность желанию добра другому [27, р. 91]. Маккლოსки выделяет два подвида добродетели Любви: дружба-любовь к другим людям, близкая к древнегреческой «филии» и обусловленная трансцендентным бескорыстная любовь, схожая с христианской («агапэ») [27, р. 116].

Маккლოსки протестует против попыток редуцировать Любовь к собственному интересу. Относиться к другим как к включенным в нашу функцию полезности, значит относиться к ним, как к средствам, а не целям, что противоречит логике Любви [27, р. 111, 343–344].

Две другие христианские добродетели — Вера и Надежда — идут у Маккლოსки в связке. Она уводит их из религиозного контекста: Вера может быть не в Бога, а в Красоту или Науку, как

и Надежда может быть не на Спасение, а на лучшую жизнь или на предпринимательский успех. Веру она называет [27, р. 153] «назад-смотрящей» добродетелью, она связана с нашим прошлым и как бы собирает нашу идентичность, отвечает на вопрос, кто мы есть и ради чего мы живем. Напротив, Надежда — «вперед-смотрящая» добродетель, то, что делает нас способными меняться, ставить и достигать цели в непредсказуемом, неопределенном будущем [27, р. 160–161].

Перейдем теперь к языческим добродетелям. Истоки добродетели Мужества Макклоски видит в военной доблести [27, р. 202]. У Макклоски нет четкого определения Мужества, но фактически можно сказать, что речь идет о способности брать на себя риск, причем, очевидно, риск серьезный и непросчитываемый, что сближает его с неопределенностью по Найту [9].

Отношение к Мужеству у Макклоски самое сложное из всех добродетелей. Мужество — самая древняя добродетель, берущая корни еще в героях «Илиады» и большую часть истории существования человечества — главная добродетель господствующего класса аристократии [27, р. 203–204].

По мнению Макклоски, примеры и истории аристократического Мужества, которыми столь богата человеческая культура и история, имеют слабое отношение к современной жизни, хотя по-прежнему неадекватно широко представлены в нынешней культуре. Мужество — важная добродетель в любой сфере деятельности, но не ключевая для современного человека. Тем не менее в древних примерах мужественного сопротивления — Прометея, Ахиллеса, Антигоны, Роланда — можно найти важнейшую для нас идею свободы [27, р. 211].

Следующая языческая добродетель — Благоразумие, которое Макклоски определяет как «практическую мудрость» [27, р. 253], ассоциирующуюся с древнегреческим «*phronesis*», в отличие этически нейтральной [27, р. 315–316] «*sophia*» — «теоретической мудрости». Благоразумие по своей сути очень напоминает инструментальную рациональность в стиле *Max U*, способность находить адекватные средства для поставленных целей, однако немного шире ее — Благоразумие также включает в себя практичность, жизненную рациональность, способность обеспечить собственную жизнь.

Маккლოსки называет Благоразумие «грамматикой добродетелей», поскольку оно позволяет реализоваться остальным добродетелям [27, р. 256].

Добродетель Умеренности — это добродетель внутреннего баланса, способность к контролю импульсов, чувство меры, осторожность [27, р. 185, 316]. Ее нельзя свести к Благоразумию, так как Благоразумие касается интеллекта, калькуляции, расчета, а Умеренность относится к контролю именно эмоций [27, р. 316].

Справедливость по Маккლოსки имеет схожую с Благоразумием интеллектуальную, калькулируемую природу и выполняет по отношению к другим людям ту же роль, что Умеренность выполняет внутри человека — баланс, равенство интересов граждан [27, р. 247, 286]. Справедливость необходима для регулирования отношений между незнакомцами. Ее смысл, как пишет Маккლოსки, в том, чтобы относиться с уважением к каждому, к кому *следует* относиться с уважением [27, р. 288]. Круг тех, к кому стоит относиться с уважением, расширялся с течением времени, в чем, по ее мнению, большую роль сыграл радикальный эгалитаризм буржуазии.

Свои добродетели Маккლოსки называет «комплементариями» [27, р. 313], они должны дополнять друг друга, лишь в этом случае мы можем говорить о добродетельной жизни.

Маккლოსки настаивает на том, что ее список добродетелей — не простое перечисление хороших качеств человека, а стройная система. С ее точки зрения, все остальные качества, которые можно отнести к добродетелям, либо уже тождественны по смыслу какой-либо из обозначенных ею семи добродетелей, либо представляют собой комбинацию нескольких из этих добродетелей. Пожалуй, это — наиболее слабая часть ее философской антропологии, коль скоро со смыслами и определениями добродетелей можно обращаться достаточно вольно. Тем не менее Маккლოსки, исследуя как классические тексты (например, Конфуция [27, р. 387–389]), так и работы современных психологов (например, вышедшую в 2004 г. книгу Кристофера Питерсона и Мартина Селигмана «Силы характера и Добродетели: Справочник и Классификация» [27, р. 314]), находит в них доказательства тому, что выбранный ею список наиболее правильный. Ожидаемо, ее теория добродетелей относится прежде всего к культуре Запада

(ценности европейской Античности и христианства), но она пытается избежать обвинений в европоцентризме, обращаясь к китайской, японской, индийской культуре.

В любом случае, Макклоски далека от того чтобы говорить о добродетелях как о неких объективных, фундаментальных категориях. Это оптимальный способ описания современного человека: лучше, чем одна-единственная добродетель, как в кантианстве и утилитаризме, и лучше, чем 170 добродетелей, как в некоторых современных вариантах этики добродетели [27, р. 194]. Добродетелей должно быть как можно меньше, но достаточно, чтобы адекватно отображать истории наших жизней [27, р. 195].

Иерархии и сети

Особенность этики Макклоски в том, что система добродетелей как бы накладывается на социальную структуру и по-своему упорядочивается и интерпретируется разными классами, гендерами и т. д. Этика дается людям не в форме правил, а в форме качеств характера — добродетелей, усваиваемых через примеры из жизни, истории, образы, архетипы [27, р. 124–125]. Примеры Мужества, Любви или Справедливости в культуре будут разными для представителей разных социальных групп. Поэтому мужские добродетели отличаются от женских, аристократические — от крестьянских или буржуазных. При этом Макклоски поясняет, что речь идет не о реально существующих социологических классах или реально существующих женщинах и мужчинах — речь о стереотипах, мифах, поверхностных разговорах, составляющих ткань культуры, из которой люди черпают смыслы [27, р. 349].

Она выделяет четыре «мифических» класса, восходящих к социальной структуре индоевропейцев — аристократию, крестьянство, буржуазию и духовенство, которое она отождествляет с классом интеллектуалов (“clerisy”) [27, р. 347–348]. По ее мнению, эти четыре класса воплощают собою определенные образцы человеческих характеров, находящиеся глубоко в человеческой культуре. Каждый класс немного по-своему интерпретирует одну и ту же добродетель (Макклоски предлагает возможные варианты интерпретаций [27, р. 348]); для разных классов определенные добродетели имеют разное значение.

При этом если с аристократией и крестьянством все более или менее понятно, то взаимоотношения буржуазии и интеллектуалов в «Буржуазной эре» предстают перед нами довольно неоднозначными. В начале «Буржуазных добродетелей» Макклоски пишет о том, что ее не устраивает безликое понятие «средний класс» и она предпочитает вместо него использовать слово «буржуазия», чтобы

избавить его от негативного смысла, который ему придали левые интеллектуалы [27, р. 69]. Затем она пишет [27, р. 70–73] об элементах среднего класса, к которым относит «крупную буржуазию» (“grande bourgeoisie”), «мелкую буржуазию» (“petite bourgeoisie”) и интеллектуалов, «креативный класс» (“clerisy”, “education bourgeoisie”). Следовательно, «креативный класс» понимается ею как составная часть буржуазии — и действительно, для дальнейших ее рассуждений характерен взгляд на класс интеллектуалов как вышедший из буржуазии, родственно связанный с нею.

В то же время в других местах Макклоски пишет об интеллектуалах как об отдельном классе, однозначно отделяя, и даже противопоставляя, их ценности ценностям буржуазии. Очень часто встречаются упреки интеллектуалов в их антикоммерческих взглядах, в принятии ими социалистических или правых псевдоаристократических ценностей, что несет в себе потенциальную угрозу для современной цивилизации [27, р. 25]. Класс интеллектуалов Макклоски как бы уподобляет ребенку, отвернувшемуся от своего собственного родителя — буржуазии. Здесь однозначную параллель можно провести с анализом «социологии интеллектуалов» из «Капитализма, социализма и демократии» Йозефа Шумпетера [14, гл. 13].

Интеллектуалы у Макклоски, так же, как и у Шумпетера, определяются через их способность влиять на общественное мнение, обеспечиваемую владением устным и письменным словом и возможностью широкого распространения своих текстов. В этом смысле сложно привести соответствующую интеллектуалам у Макклоски социологическую категорию. Не вполне ясно, они — это скорее «новый средний класс» из социологии Энтони Гидденса [6, с. 261–263] или представители академии? По нашему мнению, все-таки наиболее точной здесь будет аналогия со специфическим российским понятием интеллигенции.

Интеллектуалы, в отличие от остальных классов, у Макклоски оказываются классом без собственной социальной идеологии, хотя и обладают своим особым мировосприятием. Их задача — формировать на риторическом уровне идеологию для каких-либо других классов: «левого» крестьянства, «правой» аристократии и «либеральной» буржуазии.

С точки зрения Макклоски, Великое обогащение связано не с капитализмом как таковым — развитые рынки на самом деле существуют с глубокой древности [28, р. 16], качественно не отличаясь от европейских рынков времен Промышленной революции. Великое обогащение стало реальностью благодаря появлению идеи о том, что жизнь обслуживающего рыночную систему класса буржуазии может быть добродетельной, с возникновением специфической «буржуазной» интерпретации добродетелей, выражением чего в политической сфере стало появление идеологии классического либерализма [29, р. XIV]. Любимый пример подобной буржуазной переинтерпретации у Макклоски — трансформация понятия аристократической чести (“*honor*”), обозначавшего высокий ранг и происхождение, в понятие буржуазной честности (“*honesty*”) [27, р. 294–296]. Для буржуа имеет значение возможность положиться на человека в деловой сделке, а не его место в социальной иерархии.

Главная добродетель буржуазии, в отличие от аристократии с ее Мужеством — это Благоразумие, однако Макклоски настаивает на том, что буржуазная жизнь не лишена и всех остальных добродетелей. В противоположность книжному образу *Gesellschaft* она показывает [27, р. 140, 156], что деловым отношениям и современной городской жизни присущи и дружба, и любовь, и сакральное, и человеческое, и т.д. Напротив, образ гармонической, полной доверия, любви и привязанностей жизни в *Gemeinschaft* — согласно Макклоски, выдумка, в реальности жизнь, скажем, крестьян в традиционных обществах никогда не соответствовала этому мифу [27, р. 141]. В действительности именно в современную буржуазную эпоху люди как никогда серьезно уделяют внимание нематериальным сторонам жизни, в том числе и благодаря достигнутому материальному достатку.

Несмотря на взлет в современную эпоху буржуазных добродетелей, влиятельными остаются и аристократические, и крестьянские. Поэтому часто вещи, за которые критикуют капитализм, согласно Макклоски, связаны вовсе не с буржуазными добродетелями: например, отношение к конкурентам в бизнесе как к врагам, которых необходимо «уничтожить», связано с влиянием сильной аристократической и маскулинной риторики [27, р. 216, 242]. Конкуренция, борьба интересов существует в любом обществе, бур-

жуазный же порядок направлен по своей сути на сотрудничество. Буржуазный императив состоит в том, чтобы достичь собственной выгоды в логике «win-win», через компромисс и согласование интересов. Макклоски здесь приводит слова Георга Зиммеля: «Современная конкуренция обычно описывается, как борьба всех против всех, хотя в то же время она является борьбой всех за всех» [29, р. 60].

В «Буржуазных добродетелях» Макклоски выделяет три основные социально-политические теории, базирующиеся на разном понимании человеческой природы: теорию Гоббса, теорию Смита и теорию утопического социализма [27, р. 498]. На наш взгляд, эти теории можно соотнести с мировосприятием классов аристократии, буржуазии и крестьянства соответственно. В рамках гоббсианского понимания люди — бездушные монстры, заинтересованные только в собственной выгоде (*Max U*), всегда готовые на подлость и воспринимающие только право сильного. В плюралистической смитианской логике, которой придерживается сама Макклоски, людям важно собственное благополучие, однако им далеко не чужды мораль, солидарность, нематериальные ценности. Наконец, видение человека в утопическом социализме предполагает полное отсутствие корыстных мотивов, заботу исключительно об общем счастье и об общем деле.

Очевидно, в реальном мире в разных ситуациях каждая из этих теорий может быть применена: гоббсианская теория подходит для описания иерархических систем, утопический социализм — для семей, а подход Смита — для описания рынков, социальных сетей и т. п. Впрочем, для Макклоски утопическая теория скорее описывает мечту, прочно закрепленную в культуре, однако едва ли реализуемую в реальной жизни.

Возвышение буржуазных добродетелей, о котором пишет Макклоски, таким образом, стало возвышением сетей над иерархиями. Гоббсовская «take»-логика, логика осуществляемого с помощью силы директивного управления ограниченным количеством ресурсов, уступила место «make»-логике Смита, логике сотрудничающих между собой свободных людей, движущих вперед экономическое развитие общества.

По мнению Макклоски, смысл «невидимой руки» Смита заключался именно в необходимости освобождения людей от

иерархического контроля [29, р. 209]. Свободные люди, благодаря рыночному механизму, даже принимая во внимание только свою выгоду, непреднамеренно создают ценность для других людей, поэтому нам не следует ограничивать их свободу, мы должны позволить действовать им самим.

Как подчеркивает Макклоски, из метафоры «невидимой руки» нельзя делать вывод о том, что нет необходимости быть добродетельным человеком для достижения эффективности на социальном уровне. Подобный расхожий взгляд стал следствием того, что понятие Смита было извращено и извлечено из необходимого контекста поколениями последующих экономистов-интерпретаторов [29, р. 185]. Он не говорит, что механизма «невидимой руки» достаточно для построения процветающего общества. На самом деле истоки этой мысли лежат в текстах Макиавелли, Гоббса, Мандевиля [29, р. 186].

Более того, согласно Макклоски, у Смита есть еще вторая «невидимая рука» — рыночные отношения непреднамеренно ведут к возникновению взаимной симпатии и доверия друг к другу [27, р. 158; 29, р. 204–205]. Это происходит благодаря тому, что под действием первой «невидимой руки» люди начинают больше интересоваться тем, в чем нуждаются другие люди, чаще ставят себя на их место и начинают им больше сопереживать. Этика имеет значение; рынки не только эффективны, но и делают людей лучше.

Таким образом, риторическое влияние аристократии препятствует освобождению и совершенствованию людей, ведет к тому, что социальная структура деформируется и начинает более походить на иерархию.

Здесь можно провести сравнение с Шумпетером, который в книге «Капитализм, социализм и демократия» очень похожим образом, опираясь на классовый анализ, делал выводы о дальнейших перспективах человеческой цивилизации. Интеллектуалы у него играют, в общем, такую же роль, что и у Макклоски: выражают классовые интересы других социальных групп, при этом однозначно склоняясь к поддержке левого рабочего движения и тем самым способствуя разложению капитализма [14, гл. 13]. А к аристократии Шумпетер относился гораздо теплее: он считал, что она выступает в роли «защитного слоя», ограждающего от потре-

сений неспособную к успешной политической деятельности буржуазию [14, гл. 12].

У Макклоски буржуазия самодостаточна. Кроме того, согласно Макклоски, в современном свободном мире мы можем играть разные роли, будучи в разных ситуациях и буржуа, и аристократами [27, р. 347]. Ценности аристократии и иерархические структуры в наше время не должны обязательно исчезнуть, но должны уйти на периферию общественных отношений.

Будущее общества Макклоски связывает с «обуржуазиванием» всего человечества: с концом социалистических, националистических, энвайронменталистских и других антикоммерческих заблуждений класса интеллектуалов, с постепенным исчезновением пролетариата, с прекращением влияния аристократических предрассудков на образ мыслей людей и господством либерализма — идеологии буржуазии [27, р. 502–504]. Взлет «нового среднего класса» в новейшую эпоху она связывает именно с этой тенденцией и в ней видит залог еще большего процветания.

Буржуазная переоценка

В книге «Буржуазное достоинство» Макклоски, подчеркивая всю условность модели, предлагает [28, р. 411] следующую функцию для национального продукта:

$$Q = I(D, B, R) * F(K, sL).$$

Здесь I — это инновационная функция, зависящая от достоинства инноваторов D (“*dignity*”), свободы инноваторов B (“*liBerty*”) и ренты R . F — стандартная неоклассическая производственная функция, где K — физический капитал и земля, L — количество труда, s — коэффициент человеческого капитала.

Инновационная функция как раз выражает в этой модели роль динамической составляющей роста. Согласно Макклоски, влияние буржуазной переоценки заключалось в кардинальном изменении двух «переменных» инновационной функции: достоинства и свободы.

Смысл достоинства том, что буржуа, предприниматели, инноваторы получили уважение со стороны общества. Единственное, стоит заметить, что здесь речь идет именно о достоинстве инноваторов — достоинства обычных торговцев, не склонных к инновациям или не связанных с экономической практикой ученых и изобретателей, недостаточно.

Макклоски описывает это изменение, фиксируя множество риторических, культурных сдвигов. Например, она говорит о переинтерпретации значения слов, связанных с достоинством: упоминавшуюся в предыдущей главе трансформацию чести в честность, изменение смысла понятия «джентльмен» в английском языке (“*gentleman*”) из обозначения социального ранга в современное обозначение качества характера [29, р. 223], переинтерпретацию слова “*eerlijk*” в нидерландском языке по схожей траектории [29, р. 247] и т. д. Она указывает на исторические примеры инноваторов времен Промышленной революции, добившихся признания и

высокого социального статуса: Джеймса Уатта, Ричарда Аркрайта, Джозайи Уэджвуда [29, р. 537].

Со свободой у Макклоски дела обстоят несколько сложнее. Иногда складывается впечатление, что смысл этого слова как бы блуждает в ее текстах, или же, как минимум, имеет несколько контекстов. Во-первых, свобода у нее может пониматься как свобода от регулирования, от государственного вмешательства в экономику, легальная свобода. В этом контексте свобода сближается с прорыночными институтами у неоинституционалистов.

В то же время иногда Макклоски говорит о свободе в духовных терминах, как о терпимости и принятии в культуре привносимых инноваторами подчас деструктивных новшеств, о свободе предпринимательства от консервативного иерархического контроля, о возможности нарушения, творческого переосмысления привычных норм [29, р. 362]. Достижение такой «духовной» свободы тяжело давалось человеческим обществам, как говорит Макклоски в своем интервью, до XIX века слово «инновация» обладало отрицательной оценочной семантикой, было «плохим» словом [3]. Свободе и достоинству Макклоски находит соответствующие эквиваленты в своей системе добродетелей: достоинству соответствует формирующая идентичность Вера, а свободе — обеспечивающая изменчивость Надежда. Достоинство воодушевляет предпринимателя, а свобода — позволяет действовать.

По всей видимости, свобода в понимании Макклоски вбирает в себя легальную свободу формальных институтов, однако не равна им, включая еще соответствующую им идеологию. Даже хорошие институты без соответствующей этики никогда не будут работать, а при ее наличии даже плохие институты не смогут сильно помешать экономическому росту и постепенно сами будут трансформироваться в лучшую сторону.

По мнению Макклоски, и свобода, и достоинство имеют значение для буржуазной переоценки. Свобода без достоинства не создает необходимого социального фундамента для общества обывателей-буржуа — презируемые обществом и самими собой, они не способны на успешную инновационную деятельность. Достоинство же без свободы возвращает в экономическую деятельность иерархический контроль, превращая буржуазию в новую аристо-

кратию и этим препятствуя буржуазной переоценке. Согласно Макклоски, это произошло, например, во Флоренции XV века [29, р. 477].

В третьем томе трилогии Макклоски также уделяет внимание понятию равенства. При этом она выделяет два возможных понимания: в духе шотландского и французского Просвещения [29, р. XXXI]. В целом, для простоты их можно соотнести с равенством возможностей и равенством результатов у Милтона Фридмана соответственно [13, с. 73–74]. Обсуждая равенство в контексте буржуазной риторики, Макклоски имеет в виду именно равенство возможностей.

Согласно итоговой схеме, представленной в «Буржуазном равенстве», именно равенство было ключевым для буржуазной переоценки. Идея эгалитаризма оказала разрушительное воздействие на иерархии и сыграла серьезную роль в создании пространства свободы и достоинства, доступного для буржуазного обывателя. Как пишет Макклоски, понятие равенства связывает воедино либеральную идею экономической свободы, доступной каждому, и демократическую идею достоинства человека как такового, независимо от его социального ранга [29, р. XXXI].

В свою очередь, в формировании идеологии эгалитаризма, по мнению Макклоски, участвовало четыре фактора, которые она называет четырьмя “R”: книгопечатание (“*Reading*”), Реформация (“*Reformation*”), восстания и бунты (“*Revolt*”), прежде всего ассоциируемые с восстанием объединенных провинций Нидерландов против Испании в 1568 г., и революции (“*Revolution*”), ассоциируемые с Оливером Кромвелем, Французской революцией и американской войной за независимость [29, р. XXXV].

Восстания и революции — это события, связанные со стремлением к равенству в политической плоскости [29, р. 401]. Книгопечатание и культура чтения формировали равенство в коммуникации, возможность свободного распространения любой идеи [29, р. 388–396]. При этом политическая раздробленность Европы способствовала свободе коммуникации: конкурирующие между собой ее маленькие государства не могли эффективно контролировать распространение инноваций и идей так, как это делали Китай и Османская империя [29, р. 396–397].

Говоря о Реформации как о факторе буржуазной переоценки, Маккласки высказывает аргументы, отличные от веберовских. По ее мнению, Реформация важна была по двум причинам: во-первых, переходом к демократическому церковному управлению во многих протестантских общинах, что ознаменовало возникновение равенства в религиозной жизни [29, р. 367], и, во-вторых, эвдемонистическим поворотом в протестантской и католической теологии XVIII—XIX вв., с отходом от аскетизма и признанием важности счастья и в земной жизни [29, р. 381—387]. Важность земной жизни означала более пристальное внимание к необходимости ее переустройства.

В совокупности все эти факторы привели к пятому “R” — буржуазной переоценке (“*Bourgeois Revaluation*”) [29, р. XXXV]. Она выражалась в создании этического лексикона буржуазии, вытеснившего аристократическую этику с главенствующего положения в культуре. Эгалитарная буржуазная этика, разрушая иерархический порядок, позволила каждому члену общества вносить свой вклад в экономическое и социальное развитие, не препятствовала инновационной деятельности и не ограничивала ее.

Некоторую параллель здесь можно провести с мыслями Уильяма Баумоля, высказанными им в «Микротеоории инновационного предпринимательства», согласно которым предприниматели бывают производительного и деструктивного типов [5, с. 121—124]. Согласно Баумолю, если институциональная система предполагает наличие большего вознаграждения в «деструктивных» сферах (например, поиск более эффективных способов извлечения ренты), то меньшее количество людей с предпринимательским талантом будет оставаться в сферах, связанных с производством товаров и услуг, уходя в деструктивные. Маккласки не близок подход, согласно которому люди руководствуются при выборе сферы приложения своих талантов исключительно калькуляцией будущих выигрышей, однако из ее рассуждений следует похожий вывод: аристократическая этика заставляет людей тратить свои силы на создание иерархий, которые ограничивают возможности приложения талантов для других людей (незнатных, рабов, женщин, иноземцев и т. п.). Иными словами, одаренные люди не просто растрачивают свою энергию впустую, а направляют ее на ограничение экономического развития.

Впервые сформировавшись в Нидерландах и Великобритании, буржуазный либерализм затем начал свое победное шествие по миру. Одними из последних стран, воспринявших буржуазные идеи, по мнению Макклоски, стали Китай и Индия.

Восприятие буржуазной этики может произойти в очень короткие сроки, так как она не требует изменения фундаментальных культурных установок, относясь скорее к области поверхностной риторики, внешней формы нравственных императивов. Человеку не нужно менять свою веру, национальную принадлежность, базовые понятия о добре и зле, для того чтобы принять буржуазную интерпретацию добродетелей.

Либерализм стал выражением буржуазного понимания добродетелей, морали, смысла человеческой жизни, экономики и политики (разделение сфер которых тоже, по Макклоски, было признаком буржуазной переоценки [28, р. 86]). Используя термин Антонио Грамши [7, С. 64], буржуазия вместе с появлением либерализма стала классом-гегемоном. Подход Макклоски к анализу культуры действительно в чем-то сходен с грамшианским, только он как бы переворачивает его с ног на голову. Если у Грамши, в соответствии с марксистской теорией, господство класса покоится на экономическом базисе и культурная гегемония является лишь средством удержания господства, то у Макклоски культурная гегемония класса самодостаточна и сама является причиной экономического господства этого класса. Это не значит, что материальный мир и материальные интересы вообще не влияют на идеологию — они могут оказать влияние на формирование какой-то идеи, но затем она начинает жить своей жизнью, бесконечно изменяясь вместе с изменением дискурса. И, как правило, именно существующие и закономерно или спонтанно возникающие новые идеи становятся движущей силой истории. Идеи же, в свою очередь, — это продукт сообщества разговаривающих между собой людей.

Полемика вокруг теории

Наиболее обстоятельному анализу и критике теории экономического развития Макклоски подверглась со стороны ее ближайших соратников, примыкающих к австрийской или неоинституциональной традиции. В 2014 г. на базе дискуссионного онлайн-форума «*Liberty Matters*» был проведен диспут с участием самой Макклоски и экономистов Дональда Будро, Джоэля Мокира и Джона Ная, где Макклоски проясняла и защищала свою позицию, отвечая на вопросы и критику со стороны других участников дискуссии [1]. В 2016 г. вышла статья Джоэля Мокира и Авнера Грейфа [18], где авторы защищают неоинституциональную интерпретацию истории экономики от исходящей со стороны Макклоски критики.

При знакомстве с этими материалами можно обнаружить, что часто дискутирующие с обеих сторон не могут договориться о терминах и вольно или невольно подменяют тезисы оппонента, критикуя их вместо его истинной позиции. Особую проблему вызывает термин «институты», трактуемый каждым ученым немного по-своему. В своей статье Мокир и Грейф критикуют Макклоски за то, что множество различных подходов в неоинституциональном направлении она, по их мнению, необоснованно сваливает в одну кучу, приписывая всем неоинституционалистам единое упрощенное понимание институтов-как-правил [18, р. 29–30]. Впервые предложенная Дугласом Нортом, эта трактовка стала удобным аналитическим инструментом, однако все современные экономисты неоинституциональной школы, включая и самого Норта, давно осознали всю ограниченность данного подхода и обратили свое пристальное внимание на культуру. Проблема, по словам Мокира и Грейфа, не в том, что экономисты не обращают внимания на культуру (на самом деле обращают), а в том, что методы исследования культуры в экономической науке пока еще недостаточно развиты. Макклоски же, как они считают, ничего важного здесь не предлагает.

На наш взгляд, Мокир и Грейф не вполне понимают взгляд на взаимоотношения институтов и культуры, характерный для Макклоски. Это особенно заметно по комментариям Мокира в рамках диспута на форуме «*Liberty Matters*». Культура, идеология у Мокира включены в неформальные институты, идеи и институты в его концепции органически связаны в единое целое, поэтому он выступает против дихотомии «идеи против институтов», которая вынуждает принимать либо позицию в стиле Аджемоглу и Робинсона, либо позицию Макклоски. И институты, и идеи, как считает Мокир, одинаково важны, и принижать роль институтов в Великом обогащении неправильно.

Макклоски же, полемизируя с неоинституционалистами, относит к понятию «институты» только то, что они называют «формальными институтами»: законы, подкрепляемые государственной монополией на насилие. «Неформальные институты» для нее — оксюморон, ведущий к бессмысленной тавтологии. Поэтому она предпочитает говорить об этике, отделяя ее от институтов.

В то же время и сама Макклоски действительно значительно упрощает взгляды неоинституционалистов, сводя все их рецепты экономического роста к современной позиции Всемирного банка, которая, по ее словам, заключается в нехитром предписании «добавить институты и помешивать» [30, р. 10]. Такой рецепт, пожалуй, кто-то при желании может извлечь из теории Аджемоглу и Робинсона, предполагающей жесткую механическую взаимосвязь между инклюзивными или экстрактивными политическими и экономическими институтами. Однако утонченную теорию, например, того же Мокира, говорящего о сетях, сложном процессе обмена идеями, «культурном предпринимательстве» и т. д., явно нельзя свести к столь простой формулировке.

В сущности, в теориях Макклоски и Мокира может оказаться гораздо больше общего, чем кажется им самим. На наш взгляд, в результате обоюдной критики и рефлексии они приблизили друг к другу свои подходы настолько сильно, что во многом говорят об одних и тех же вещах, просто используя разные метафоры — более конвенциональные в экономической науке термины неоинституциональной теории в случае Мокира и термины, более характерные для философии и литературной критики в случае Макклоски.

Маккლოსки не говорит о том, что формальные институты вообще не были важны — они лишь не были спусковым крючком для Великого обогащения. Мокир, как нам представляется, скорее согласен с ней, хотя и не признает этого прямо. В начале своей совместной с Грейфом статьи, критикующей подход Маккლოსки, они выделили возможные формальные институты, которые могли бы стать причиной роста инноваций и Великого обогащения — это, по их мнению, развитие патентного и авторского права, а также создание системы социального обеспечения [18, р. 33]. Однако потом в качестве ключевого контраргумента в этой же статье упоминается [18, р. 36] оригинальная концепция, развитая Мокиром в «Культуре роста», согласно которой начало эпохи модерна было связано с формированием в Европе так называемой «Республики писем» (*“the Republic of Letters”*), организованного интернационального сообщества ученых и интеллектуалов, поощрявшего свободную дискуссию и стремившегося распространить и применить собранные знания на практике.

Маккლოსки посвятила критике взглядов Мокира 38 главу «Буржуазного достоинства», где основным ее контраргументом был тот факт, что результаты европейской науки XVIII в. нашли свое применение в технологии только конца XIX в., а до этого времени технический прогресс и индустриализация не были напрямую связаны с научными достижениями [28, р. 358]. Мокир соглашается с тем, что во время Промышленной революции не было прямой связи, однако указывает на косвенную: ученые общались с инженерами и предпринимателями, формируя у последних элементы научного мышления (*“scientific mind”*) [18, р. 36]. В «Культуре роста» Мокир называет Фрэнсиса Бэкона и Исаака Ньютона культурными предпринимателями: первый показал важность прикладного, технологического аспекта науки, а второй создал методологический фундамент для естественной науки, представив мир как управляемый наблюдаемыми физическими законами, которые можно эксплуатировать для наших собственных нужд. Все это, согласно Мокиру, привело к росту накопления «полезных знаний» (*“useful knowledge”*) и, впоследствии, к Великому обогащению [31, р. 70–116].

Культурные предприниматели, по Мокиру, способны менять убеждения других людей [31, р. 62]. Они конкурируют, стре-

мьясь предложить людям набор убеждений, лучше остальных отражающий реальное положение дел. По сути, их социальная роль близка той, которую мы обычно назначаем интеллектуалам.

Сдвиг в сторону научного мышления, о котором говорит Мокир, очень похож на риторический сдвиг у Макклоски: только в случае Мокира этот сдвиг не этический, а эпистемический.

Джон Най в своих комментариях на этом же диспуте согласился с тем, что идеи могут оказывать влияние, но только в ограниченных случаях, когда мнение меньшинства привилегированно в политической системе. А в целом, на его взгляд, пока у нас нет оснований считать идеи ни достаточным, ни необходимым условием роста, и исторические факты скорее говорят нам о том, что они являются следствием экономического роста.

Свой взгляд он обосновал тем, что в теории Макклоски есть ряд не до конца проясненных моментов. Попробуем выделить основные проблемы, о которых говорит Най [1].

Во-первых, неясно, как на практике понять, приняла та или иная страна определенную идеологию. Достаточно ли будет того, что элиты воспримут буржуазные добродетели, или необходимо широкое участие народа? Почему мы считаем, что Китайская Народная Республика, управляемая коммунистической партией и имеющая в своей экономике многие черты командно-административной системы, приняла буржуазную идеологию?

Во-вторых, если тот факт, что страна приняла буржуазные ценности, очевиден, то неясно, почему у нее экономическое развитие может быть ниже, чем у каких-то других стран, как это часто происходило в истории. Най фокусирует свое внимание на примере Нидерландов: они были пионерами в создании общества, где буржуазия обладала достоинством и свободой, но в то же время, по мнению Най, затем Нидерланды не внесли большого вклада в современный экономический рост по сравнению с шедшей вслед за ними Великобританией.

В-третьих, не вполне ясно, есть ли прямая связь между принятой абстрактной идеологией и реальными действиями людей. Най в подтверждение своим сомнениям приводит данные социологического исследования отношения людей к рыночной системе в разных странах. Согласно данным опросов, оказалось, что люди на

Филиппинах и в Китае относятся к рынку даже лучше, чем люди в традиционно прорыночных США, не говоря о европейских странах.

Вкратце опишем, как Макклоски ответила на критику со стороны Ная. По ее мнению, ключевой субъект, который должен вобрать в себя буржуазные ценности, — это общественное мнение. Макклоски соглашается с предложенным Наем делением на «идеологию в головах» и «идеологию в действиях» и утверждает, что в ее теории как раз рассматривается идеология действия, а не выражающие стереотипы абстрактные взгляды людей, данные о которых можно получить путем опросов. В действительности общественное мнение в «социалистической» Швеции по большей части на стороне свободного рынка, а степень зарегулированности экономики США не соответствует их декларируемой на уровне стереотипов идеологии свободного рынка.

По ее мнению, в случае Китая даже небольшой сдвиг в сторону экономического либерализма и поощрения предпринимательства позволил добиться очень высоких темпов роста из-за позднего, с двухвековым отставанием перехода китайцев на стадию современного экономического роста. Когда Китай по абсолютным показателям доходов на душу населения начнет приближаться к развитым странам, его рост, по мнению Макклоски, значительно замедлится, если дальнейшей экономической и духовной либерализации там происходить не будет. Нидерланды, по мнению Макклоски, всегда были успешной страной, и говорить об экономическом упадке там в XVIII в. не совсем корректно; тем не менее некоторое снижение темпов роста можно объяснить усилением олигархической власти регентов, превращением буржуазии в псевдоаристократическую иерархическую структуру, как это было во Флоренции. Вообще, Макклоски не нравится «аристократическая» метафора гонки применительно к экономическому развитию разных стран: сравнительное усиление какой-то страны, например Великобритании по отношению к Нидерландам, или потом США по отношению к той же Великобритании, не ведет к экономической катастрофе в «проигравшей» стране.

Заключение

Проблемы, о которых говорит Джон Най, на наш взгляд, действительно являются слабыми местами теории. Макклоски от них умело отбивается, но, если их переформулировать в более общем виде, защититься ей, как нам представляется, будет несколько сложнее.

По нашему мнению, смысл критики Ная в том, что влияние идей — нематериальных факторов по определению — сложно оценить количественно, сравнивая ситуацию в разных странах в разное время. Макклоски любит прибегать к количественной оценке влияния тех или иных факторов на экономический рост, но не делает этого в случае идеологии. Влияние идеологии в теории Макклоски косвенное — она поощряет инновации, тем не менее теоретически мы можем попытаться оценить степень поощрения, то, насколько сильно идеология стимулирует появление инноваций. Собственно, Макклоски достаточно часто это делает, говоря о том, что иерархические или левые идеи «портят» общественное мнение, однако у нее нет никакой шкалы, по которой мы можем измерить степень порчи и сравнивать качество идеологии в разных странах.

Несмотря на опасения, которые Макклоски выражает в связи с популярностью враждебных буржуазии идеологий, современный экономический рост на протяжении всего своего существования был удивительно устойчив и стабилен. Даже Россия, которая до революции перешла на траекторию роста, пусть и сильно пострадала, но не сошла полностью с этой траектории, несмотря на по всем признакам фатальный отход от буржуазной идеологии — национальной идеей страны на 70 лет стало и социальное, и духовное, и в какой-то момент даже физическое истребление буржуазии.

По нашему мнению, подобная устойчивость свидетельствует о том, что упражнения в идеологическом препарировании, к которым иногда прибегает Макклоски, едва ли могут помочь объ-

яснить различия в уровнях экономического роста у похожих стран, уже вставших на путь Великого обогащения (скажем, у Бразилии и Чили). Если даже в экстремальных случаях отклонения от общей траектории совсем не колоссальны, то использование этого инструмента в менее радикальных ситуациях становится очень сложным. Поэтому здесь, пожалуй, эффективнее неоинституциональная теория, ее критерии представляются более ясными и объективными.

В то же время неоинституциональная теория плохо объясняет глобальные исторические сдвиги в уровне доходов на душу населения. Контраргументы Макклоски, на наш взгляд, в этом случае весьма убедительны. Великое обогащение напоминает резкую неожиданную вспышку, заразительно распространяющуюся по миру качественную смену самого модуса экономического роста, и рутинная эффективность в данном случае выглядит слабым объяснением. Более того, даже во многих странах с «плохими» институтами — любимым примером таких стран у неоинституционалистов являются страны Латинской Америки — произошло Великое обогащение, и ВВП на душу населения в этих странах устойчиво растет, пусть и не так активно, как в других. Следовательно, смена модуса не была связана непосредственно с институтами.

Для действительно устойчивого экономического роста необходимо макклоскианское Великое обогащение. Но насколько ее теория хорошо его объясняет? Пример антибуржуазного Советского Союза заставляет задуматься: страна, безусловно, с треском проиграла в экономическом противостоянии Западу, но тем не менее сохранила модус современного роста. Начального «буржуазного» рывка достаточно, и потом страна никогда не сойдет с заданной траектории? Если так, то странными выглядят опасения Макклоски по поводу интеллектуалов и поддерживаемых ими плохих идеологий. Экономический рост, основанный на таких зыбких вещах, как этика и идеология, кажется чем-то хрупким, но на деле оказывается практически непоколебимым.

Мы согласны с мнением Макклоски по поводу быстроты Великого обогащения как хорошего контраргумента против теорий, усматривающих Великое обогащение в каких-либо психологических или генетических сдвигах. Кроме того, заразительность распространения Великого обогащения, тот факт, что страны в разных

точках Земли, от Южной Кореи до Ботсваны, в течение всего нескольких десятков лет сумели перейти на современную траекторию роста, является дополнительным свидетельством в пользу слабости подобных теорий. Изменение произошло на уровне риторики, в мире идей.

Но была ли это только идея о существовании буржуазных добродетелей и их политическое выражение — идеология классического либерализма? Нам представляется, что смена риторики была все же более широкой, включала в себя не только сферы этики и политики. Скорее всего научное сознание, о котором говорит Мокир, тоже было важной частью риторического сдвига. Вероятно, новая эпистема вместе с новой этикой составили своеобразный этико-эпистемический комплекс — риторику Просвещения. По нашему мнению, именно сложный и многогранный комплекс идей, возникших вместе с Новым временем, и стал причиной Великого обогащения. Поэтому дальнейшее исследование специфической риторики, идей, социальных практик, появившихся в Европе и США во второй половине XVIII в., станет ключом к пониманию причин того, почему некоторые страны в мире еще остаются в стороне от современного экономического роста.

Однако в чем-то Макклоски все же является продолжательницей подхода неoinституционалистов. Аристократическая и буржуазная риторика у нее в сущности на духовном уровне воспроизводят логику экстрактивных и инклюзивных институтов соответственно. Только если у неoinституционалистов в основе всего социального нарратива находится *Max U*, то Макклоски вместо него предлагает своего плюралистичного *homo loquens*. Данная модель ей нужна для того, чтобы показать, что институты невозможно навязать в патерналистской логике, накладывая их на совокупность рациональных индивидов. Вместо этого нужно говорить с людьми, убеждать их, и они уже сами создадут эти институты.

Список использованных источников и литературы

Источники

1. Donald J. Boudreaux, “Deirdre McCloskey and Economists’ Ideas about Ideas” (July, 2014). Liberty Matters <<http://oll.libertyfund.org/pages/lm-mccloskey>>, 31.05.2018.
2. Maddison Project Database, version 2018. Bolt, Jutta, Robert Inklaar, Herman de Jong and Jan Luiten van Zanden. 2018.
3. The Rubin Report. Deirdre McCloskey and Dave Rubin: Trans in Academia, Liberalism, Free Trade (Full Interview) <<https://www.youtube.com/watch?v=8UpGbvOTlBE>>, 31.05.2018.

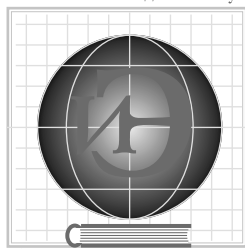
Литература

4. *Аджемоглу Д., Робинсон Дж. А.* Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: Издательство АСТ, 2015.
5. *Баумоль У.* Микротеория инновационного предпринимательства. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013.
6. *Гидденс Э.* Социология / пер. с англ. М.: Едиториал УРСС, 2005.
7. *Грамини А.* Избранные произведения в трёх томах. Том третий. Тюремные тетради / Пер. с итал В. С. Бондарчука, Э. Я. Егермана, И. Б. Левина. М.: Изд-во иностранной литературы, 1959.
8. *Маккლოსки Д.* Риторика экономической науки / пер. с англ. О. Якименко; науч. ред. перевода Д. Расков. М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара; Издательство «Международные отношения», Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2015.
9. *Найт Ф. Х.* Риск, неопределенность и прибыль / Пер. с англ. М.: Дело, 2003.
10. *Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. М.: Изд. Института Гайдара, 2011.

11. *Расков Д.* Технологические и институциональные идеи — это то, что делает наш мир современным. Интервью с Дейдрой Макклоски // *Экономическая политика*. 2016. Т. 11. №. 3. С. 224–244.
12. *Смит А.* Теория нравственных чувств / Вступ. ст. Б. В. Мееровского; Подгот. текста, коммент. А. Ф. Грязнова. М.: Республика, 1997.
13. *Фридман М., Хайек Ф.* О свободе. М.: Социум, Три квадрата, 2003.
14. *Шумпетер Й. А.* Капитализм, Социализм и Демократия / Пер. с англ.; предисл. и общ. ред. В.С. Автономова. М.: Экономика, 1995.
15. *Шумпетер Й. А.* Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982 [1926].
16. *Fogel R. W.* Railroads and American Economic Growth: Essays in Econometric History. Baltimore: Johns Hopkins Press, 1964.
17. *Galor O.* From stagnation to growth: unified growth theory // *Handbook of economic growth*. 2005. Vol. 1. P. 171–293.
18. *Greif A., Mokyr J.* Institutions and economic history: a critique of professor McCloskey // *Journal of Institutional Economics*. 2016. Vol. 12. №. 1. P. 29–41.
19. *Jones C.I.* The facts of economic growth // *Handbook of macroeconomics*. 2016. Vol. 2. P. 3–69.
20. *Kirzner I.M.* The alert and creative entrepreneur: A clarification. Research Institute of Industrial Economics. IFN Working Paper No. 760. 2008. P. 1–13.
21. *Landes, D.* The Wealth and Poverty of Nations: Why Some Are So Rich and Some So Poor. New York: W.W. Norton, 1998.
22. *Maddison A.* The west and the rest in the world economy: 1000-2030 // *World Economics*. 2008. Vol. 9. №. 4. pp. 75-99.
23. *McCloskey D.N.* Did Victorian Britain Fail? // *The Economic History Review*. 1970. Vol. 23. №. 3. P. 446–459.
24. *McCloskey D.N.* English open fields as behavior towards risk // *Research in economic history*. 1976. Vol. 1. №. 2. P. 124–171.
25. *McCloskey D.N. et al.* Economic maturity and entrepreneurial decline: British Iron and Steel, 1870-1913. Harvard University Press, 1973. №. 142.

26. *McCloskey D.N.* A Kirznerian Economic History of the Modern World (17 June 2011) <<http://www.deirdremccloskey.com/editorials/kirzner.php>>, 31.05.2018.
27. *McCloskey D.N.* The bourgeois virtues: Ethics for an age of commerce. University of Chicago Press, 2006.
28. *McCloskey D.N.* Bourgeois dignity: Why economics can't explain the modern world. University of Chicago Press, 2010.
29. *McCloskey D.N.* Bourgeois equality: How ideas, not capital or institutions, enriched the world. University of Chicago Press, 2016.
30. *McCloskey D.N.* Max U versus Humanomics: a critique of neo-institutionalism // Journal of Institutional Economics. 2016. Vol. 12. №. 1. P. 1–27.
31. *Mokyr J.* A culture of growth: the origins of the modern economy. Princeton University Press, 2016.
32. *Piketty T.* Capital in the 21st Century. Harvard University Press, 2014.
33. *Sartre J.P.* Existentialism Is a Humanism. Methuen & Co, 1948 [1946].
34. *Toynbee A.J.* A Study of History. In 12 Vols. Oxford University Press, 1934.
35. *Weber M.* The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. Routledge, 2005.

Российская академия наук

Институт экономики

Редакционно-издательский отдел:

Тел.: +7 (499) 129 0472

e-mail: print@inecon.ru

Сайт: www.inecon.ru

Научный доклад

Бакеев М.Б.

Дейдра Макклоски: риторика экономического развития

Оригинал-макет *Валериус В.Е.*

Редактор *Полякова А.В.*

Компьютерная верстка *Борщёва И.В.*

Подписано в печать 06.11.2018. Заказ № 39

Тираж 300 экз. Объем 2,6 уч-из. л.

Отпечатано в ИЭ РАН